

А.К. Мамедов, док. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

О.И. Якушина, асп. кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

A.K. Mamedov, O.I. Yakushina

THEORETICAL APPROACHES TO IDENTITY IN CONTEMPORARY SOCIAL SCIENCE

Обсуждаются концепции идентичности и факторы, влияющие на ее конструирование в условиях современного общества. В современном мире очень важными проблемами являются определение и конструирование индивидом своей идентичности. Множественность вариантов выбора, размывание устойчивых традиций и норм, факторы влияния создают предпосылки для постоянного переопределения индивидом своей идентичности, что оказывает влияние на социальную структуру современного общества. Большинство исследователей считает сегодня идентичность многоуровневой и изменчивой системой.

Ключевые слова: идентичность, индивид, общество, конструирование идентичности, концепции идентичности.

Identity and the factors influencing its construction in the contemporary society from the point of view of modern identity concepts are discussed. In contemporary society the definition and construction of the individual identity is one of the most important problems. Dynamics of choices' multiplicity, erosion of rigid traditions and norms, they challenge permanent override of individual identity; and this has an impact on the social structure of the society as whole. Most researchers agree that identity becomes a multi-leveled and flexible system as a result of pluralization and uncertainty of social life.

Key words: identity, individual, society, identity construction, concepts of identity.

Человеку всегда были нужны способы, критерии, с помощью которых можно идентифицировать, определить и отличить себя от других, основания для понимания и объяснения природы, мира, себя как составляющей части общества. Возникновение и разви-

* Мамедов Агамали Куламович, e-mail: soccomsys@mail.ru

** Якушина Ольга Игоревна, e-mail: yakfibio@gmail.com

тие концепта идентичности относятся к началу XX в., появление теории идентичности связывают с именем Э. Эриксона. Он считал, что идентичность конструируется на протяжении всей жизни человека и имманентно имеет три составляющие: биологическую, личностную и социальную¹, т.е. идентичность является междисциплинарной категорией и может изучаться как биологический (телесность), психологический (поведение) и социальный (рефлексия) объект.

“Идентичность” происходит от латинского корня “idem” — тождественный себе, тот же самый, что близко к “самости”, “сущности”². Понятие “идентичность” имеет широкое значение и может относиться к различным объектам. В общем случае “идентичность” определяют как осознание человеком своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и “эго(“Я”)-состояний”³.

В современной зарубежной социологической теории идентичность — это «совокупность частей “Я” индивида, состоящего из различных значений (символов), которые индивиды придают тем многочисленным ролям, которые они выполняют в значимо дифференцированных современных обществах»⁴. В российской науке идентичность определяют как «представление человека о своем “Я”, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности; отождествление человеком самого себя»⁵. Отечественные исследователи проблему идентичности, как правило, сводят к решению практических вопросов, например, для отдельных групп и слоев общества.

В целом социологический подход к идентичности предполагает, что существует определенное взаимоотношение между индивидом и обществом. Идентичность влияет на общество через действия индивидов, которые образуют группы, сети, институты. Со своей стороны и общество системно влияет на идентичность индивида через разделяемые в той или иной степени всеми людьми знаки, ценности, язык. Поскольку “Я” отражает ситуацию в обществе и возникает в нем, то социологический подход к изучению идентичности (т.е. себя и своих частей) означает, что мы должны понять и объяснить общество, в котором “самость” — искусство жить в социальном пространстве среди других индивидов с их идентичностями.

¹ Erikson E. Identity and the life cycle. N.Y., 1959.

² Рукер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 18.

³ Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007. С. 146.

⁴ Stryker S., Burke P.J. The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly. Special Millenium Issue. 2000. Vol. 63. N 4.

⁵ Философия. Энциклопедический словарь. М., 2004. С. 299—300.

Крупные социальные преобразования последнего времени сформировали современный облик индивида, и обретение идентичности коренным образом изменилось: в повседневной жизни быстро сменяются знаки и образы, трансформируя наше восприятие окружающей реальности, и как следствие создаются множественные идентичности. Открытость информационной сферы общества, глобализация, технико-технологические изменения, существенно облегчающие труд и жизнь человека, новые коммуникационные технологии, доступ к данным и контактам без личного присутствия и как следствие дефицит прямого общения, ослабление человеческих связей значимо влияют на современную идентичность. Глубокие изменения в опыте времени, работы и смысле жизни (от четкой долгосрочной определенности к быстрым переменам) привели к тому, что большинство традиционных ценностей потеряло значение⁶. Методики социального анализа вписаны в контекст идентичности. Дискуссии о равенстве и справедливости ведутся с точки зрения права человека на отдельную идентичность.

Поэтому вопросы идентичности остаются актуальными и продолжают активно изучаться: что именно составляет “Я”, почему человек теряет или приобретает идентичность; если на протяжении жизни изменяются ценностные ориентации, убеждения, верования, то что происходит с его идентичностью, изменяется ли она коренным образом, остается той же или вообще перестает быть? Концепцию идентичности широко используют в практических целях для выделения неинструментальных модусов действия, чтобы найти одинаковые черты у разных индивидов или во временном интервале, выявить сущностные аспекты “самости”, показать фрагментированность современного “Я”. В данной статье сделана попытка обобщить последние опубликованные теоретические разработки, связанные с изучением феномена идентичности. Ряд исследователей опираются на социокультурную традицию, сводя идентичность к принадлежности индивида к какому-то этносу, другие — исключительно к коллективной идентичности. Большинство считает идентичность многоуровневой и изменчивой системой, а основное различие позиций исследователей заключается в сути явления: одни утверждают, что идентичность есть фундаментальная одинаковость, другие принимают постоянное изменение идентичности.

Современные исследователи предлагают прежде всего разделять концепты идентичности на “сильные” и “слабые”⁷. “Силь-

⁶ *Bornman E.* Struggles of identity in the age of globalization: searching for anchors that hold // *Communicatio*. 2003. Vol. 29. N 1–2.

⁷ *Brubaker R., Cooper A.* Beyond “identity” // *Theory and Society*. 2000. N 29.

ные” теории утверждают постоянство идентичности во времени, основаны на традиции, повседневном опыте и практиках. “Слабые” принимают изменчивость, даже отсутствие идентичности. Однако такое деление отражает не содержание понятия идентичности, а категоричность формулировки. Недостатком “сильных” концепций является неоднозначность части основополагающих положений, среди которых, например, такие: идентичность это то, что все индивиды имеют, должны иметь или ищут; все группы имеют или должны иметь идентичность; индивиды (и группы) могут иметь идентичность, даже не осознавая этого; коллективная идентичность есть групповая ограниченность и однородность. Из этого следует, что несмотря на утверждение “одинаковости” идентичности, степень ее “групповости” достаточно высокая, т.е. существует резкая граница между членами и не членами группы. Именно такая точка зрения отстаивается в дискуссиях о гендере, расе, этничности, национализме.

Приверженцы “слабых” или “мягких” концептов допускают, что можно и не иметь идентичности, что она не предписывается извне, не связана с группой и не однородна. “Слабые” подходы критикуют по следующим причинам: они как клише конструктивизма считают идентичность множественной, нестабильной, фрагментированной, текучей, конструируемой и изменяемой, т.е. не могут дать четкого определения; кроме того, их теоретические основы недостаточно разработаны для их практического использования — без “сильных” коннотаций “слабые” подходы не могут быть инструментом анализа⁸.

Теоретики социологии на рубеже XX–XXI вв. в рамках дискурса о поздней современности развили определенную социологическую точку зрения на идентичность, опираясь на “мягкие” интерпретации. С этих позиций превалируют идеи о множественности отбора и самостоятельном нарративе идентичности. В отсутствие сильного и устойчивого взгляда на мир на основе традиции идентичность должна быть высоко адаптивной, никогда не сможет быть единой, цельной, в современности фрагментированность и хрупкость идентичности только возрастают⁹. Если раньше индивиды априори ожидали установленные традицией, аскриптивные идентичности, то современное общество предлагает текучесть, подвижность и постоянный выбор. Поэтому невозможно иметь только одну идентичность¹⁰. Идентичности многообразно конструируются из различных пересекающихся и подчас противополо-

⁸ Ibid. P. 7–11.

⁹ Luckmann T. Personal identity as a sociological category. Zagreb, 2006.

¹⁰ Kehily M. What is identity? A sociological perspective. ESRC Seminar. L., 2009.

ложных дискурсов, практик и позиций. Поэтому следует изучать исторические и институциональные условия конструирования идентичности¹¹. Сегодня каждый становится социальным артефактом, сущностью, которая формируется, переделывается и мобилизуется по господствующим культурным сценариям¹². Однако такая точка зрения умаляет роль власти, ошибочно предполагает существование многовекторности потока влияния¹³.

Современные теоретики изучают “реальное сегодня”, обращая внимание на различные сферы и аспекты идентичности (политические, экономические, социальные, духовные и т.д.), поэтому идентичность сегодня изучают в рамках существующих социально-философских концепций как их составной элемент и объект действия, а некоторые исследователи — и как отдельный феномен. Рассмотрим взгляды на идентичность в современной науке, условно выделив несколько блоков в соответствии с доминирующей в них идеей: рефлексивной индивидуализации, манипулируемой идентичности, изолированного приватизма, информационно-коммуникационных технологий и идентичности.

Рефлексивная индивидуализация

Рассмотрим сначала теории, которые анализируют новое состояние модерна, например поздний модерн, радикализированный модерн, текучую современность. Поиск идентичности представляет собой открытый, постоянно изменяющийся проект индивида. Э. Гидденс¹⁴ подчеркивает доминанту рефлексивности в посттрадиционном порядке поздней современности, когда общество становится все более фрагментированным и индивид сталкивается с невероятным разнообразием выбора. З. Бауман ключевой характеристикой современности считает “текучесть”, которую связывает с рефлексивностью идентичности¹⁵. Индивид вынужден постоянно воссоздавать свое “Я”. Индивиды считают конструирование идентичности приятным, но это — вынужденный процесс, а ее постоянное изменение требует больших затрат сил, времени и средств. У. Бек развивает идеи о связи между рефлексивной инди-

¹¹ Hall S. Who needs “identity”? From identity: a reader / Ed. by P. du Gay, J. Evance, P. Redman. L., 2000.

¹² Cerulo K. Identity construction // An. Rev. of Soc. 1997. Vol. 23. N 1. P. 387.

¹³ Gilman S. Difference and pathology: stereotypes of sexuality, race, and madness. Ithaca; N.Y., 1985; Calhoun C. Critical social theory: culture, history, and the challenge of difference. N.Y.; Wiley, 1995; Connell R. Gender and power: society, the person, and sexual politics. Stanford, 1987; Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Stanford, 1991.

¹⁴ Giddens A. Op. cit.

¹⁵ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.

видуализацией и процессом глобализации рефлексивности и индивидуализации¹⁶. Он указывает на растворение традиционных институтов, рост транснациональных сил и на четкую тенденцию к индивидуализации как на результат влияния глобализации и рисков.

Одна из новейших разработок идентичности дана в концепции “нового индивидуализма”¹⁷. В XXI в. высокотехнологичная культура глобализации и связанная с ней скоротечность породили постоянную эмоциональную борьбу индивида, при этом процессы и структуры самоопределения постоянно исследуются, пересматриваются и преобразовываются. Сегодня в социальном плане все более значимым становится то, как люди воссоздают и заново конструируют свои идентичности, культурные формы и прежде всего скорость изменения идентичности. Основные черты “нового индивидуализма” — неустанное переосмысление себя, желание мгновенного изменения, увеличение динамизма и ускорение процесса индивидуализации, озабоченность скоротечностью и фрагментарностью событий. В отличие от “индивидуализма” как зрелого и спокойного чувства (как описал А. де Токвиль в работе “Демократия в Америке”) особенность “нового” индивидуализма — это, скорее, чувство паники, порожденное ростом возможностей выбора. Именно акцент на мгновенной передаче и трансформации, в частности страхов и тревог, отличает “новый индивидуализм” от иных концепций рефлексивной индивидуализации¹⁸. Процессы развиваются изнутри индивида наружу, а не только внутри индивида, и связаны с эмоциональными опытами людей в воображаемой области, в фантазиях. Индивидуальный уровень — основной, но это не исключает влияния общества на фоне транснационального капитализма, реструктуризации политических арен, глобализации¹⁹. Все это требует от человека определения идентичности с точки зрения самоактуализации, и большое значение имеют культурные формы, через которые люди обретают, символизируют идентичности, прежде всего скорость процессов²⁰.

Современные формы глобальной взаимозависимости сами по себе не предопределяют для индивидов глобального набора общего культурного опыта, социальных ценностей или идеологии. Изме-

¹⁶ Beck U. The reinvention of politics. Cambridge; N.Y., 1997; *Idem*. What is globalization? Cambridge, 2000; *Idem*. Individualization. Thousand Oaks, 2002.

¹⁷ Elliott A., Lemert C. The new individualism. The emotional costs of globalization. L., 2006.

¹⁸ Ibid. P. 71–73.

¹⁹ Ibid. P. 72

²⁰ Elliott A. The new individualist perspective: identity. Transformations in the aftermath of the global financial crisis // Forum. 2010. N 11. P. 33–34.

ния во взаимодействии людей глубоко вписаны в чувство индивидуализма, требуя от индивида значительной психической нагрузки и реорганизации собственной жизни²¹. Следовательно, социологические теории должны принять вызовы изменений социальной жизни и объяснять сложные, противоречивые пути, которыми индивиды формируют и преобразовывают чувство собственной идентичности и индивидуализма²².

Сегодня существует много разных факторов и внешних сил, влияющих на рост индивидуализма: капитализм стал многоликим и многонациональным, изменилась география центров политической активности, идет модернизация экономик и организации жизни. Многоликая культура мегаполисов, создание корпоративных сетей, фрилансерство, сокращение штата организаций, электронные руководства по самопомощи и др. изменили социальные условия жизни²³. Переосмысливаются социальные практики, управляемые и нацеленные на гибкость, пластичность и постоянные изменения. Это создает и возможности и угрозы как личной идентичности, так и институциональному развитию общества. Процессы глобализации действуют не только по горизонтальной оси, унифицируя в мире деятельность многонациональных капиталов, но и по вертикальной оси, проникая в суть “Я” современного индивида. Рост индивидуализма при постоянной озабоченности гибкостью, соблазны, стремление к индивидуальной самореализации негативно отражаются на устойчивости социальной структуры так называемого “сделай себя сам” общества²⁴. Постоянное желание обновления, “переизобретения” себя быстро становится целью жизни, часто приводит к зависимости от навязчивых идей, разного рода расстройств. Индивиды хотят преобразовать и “улучшить” всего себя, изменяться, причем немедленно, что наиболее ярко проявилось в феномене потребления. Рыночные отношения предлагают различные решения, обещающие мгновенные желаемые изменения, которые сводятся к “покупке” идентичности (от психотерапии до пластической хирургии). Индустрия рекламы постоянно убеждает вести постоянный поиск и выбор своего “Я”. Концепция “нового индивидуализма” объясняет факт формирования культуры “до следующего раза”, непрестанной жажды мгновенного изменения²⁵. Конструирование идентичности рефлексивно отражает процессы, происходящие в современном обществе.

²¹ Elliott A., Lemert C. Op. cit. P. 7–11.

²² Ibid. P. 90.

²³ Elliott A. Op. cit. P. 32.

²⁴ Elliott A., Lemert C. Op. cit. P. 3.

²⁵ Elliott A. Op. cit. P. 35.

Манипулируемая идентичность

В теориях манипулируемой идентичности за основу берется теоретическое наследие Франкфуртской школы²⁶ с акцентом на доминирование общества над отдельным человеком посредством безличных форм системы и формул науки. Определенная модель поведения навязывается, в частности, с помощью культуриндустрии, формируя стандартные потребности и их удовлетворение стандартными продуктами. На основе принципа доминирования власти над подчиненным индивидом появляется тотальный универсум. Ю. Хабермас в концепции коммуникации и публичной сферы указал на манипуляционные аспекты, на то, как они влияют на идентичность современного человека²⁷. Его идея состоит в том, что язык содержит нормы для критики господства и репрессии, а также силу, которая может быть основой для действительной демократизации общества. Коммуникативное действие рационально и может инициировать критику и поддерживать процесс дискурсивного волеизъявления. Ю. Хабермас утверждает, что публичная сфера была разрушена теми же силами, которые ее создали, в частности государством, капиталистической экономикой, политическим контролем. Возник новый вид влияния: определенные силы (и в конкурентной борьбе) посредством контроля над потоками коммуникаций влияют на индивидов, манипулируют поведением людей, формируя нужные идентичности путем отбора тем для обсуждения и способов их артикуляции.

Вопросы идентичности с позиции манипуляции исследуются в работах С. Холла²⁸. Он считает идентичность точкой пересечения субъективных процессов, вписанных в жизнь индивидов, и дискурсов, которые представляют индивидов и конструируют их в качестве субъектов. Идентичности — это точки временного прикрепления к субъектным позициям, построенным из дискурсивных практик. Идентичности никогда не унифицированы и становятся все более фрагментированными, их репрезентация происходит не изнутри, а извне. Идентичности производятся в конкретных исторических и институциональных условиях как результат конкретных практик.

Н. Роуз²⁹ рассматривает вопросы идентичности при построении теории общества и объяснении современных взаимозависимостей

²⁶ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997.

²⁷ Habermas J. The structural transformation of the public sphere. Massachusetts, 1991.

²⁸ Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices. L., 1997; Hall S. Who needs "identity"? From identity: a reader.

²⁹ Rose N. Governing the soul. L., 1999; Rose N., Miller N. Governing the present: administering economic, social and personal life. L., 2008.

в системе “политика власти — эксперты (группы влияния) — человек”. Он считает, что индивид не самостоятелен в выборе идентичности и ее конструировании, на него оказывают действие “специально обученные эксперты человеческих душ” — группы влияния, тактику которых задают и целенаправленно формируют внешние силы. Следовательно, идентичность управляема и манипулируема. Другой важный элемент формирования идентичности — действие техник влияния, в частности психологического воздействия, навязываемые модели поведения. Третий фактор — капиталистическое производство и общество потребления: от индивида требуется только работать и покупать без лишних вопросов, т.е. нужны предсказуемые и манипулируемые индивиды. Происходит “кодификация искусства существования”³⁰, техники влияния должны формировать требуемую идентичность. Жизнь, работа индивидов как субъектов общества регулируются не структурами аппарата власти и управления централизованного государства, а техниками влияния института агентов на его “Я”, которые при необходимости “включают” амбиции политических, научных, благотворительных и профессиональных организаций или социальных институтов. Н. Роуз обращает внимание на распространение методов психотерапии. Даже тело человека одновременно стало объектом изучения и клиническим участником применения новых терапий, средством воздействия и фрагментации “Я” индивида. Лексика психотерапии все шире входит в нашу жизнь, и это неминуемо влияет на идентичность: как индивид выбирает, переживает, дисциплинирует, конструирует свое “Я”³¹. Индивид не просто может выбирать, но обязан толковать жизнь с точки зрения оценки своего выбора, его возможностей и ценностей. Когда индивид не выдерживает личной ответственности за выбор, то ищет, на кого ее переложить. И задача психотерапии — восстановить способность человека делать выбор в единстве своего “Я” у тех, кто не способен действовать в условиях императива выбора или считает выбор бессмысленным, испытывает страх фрагментации “Я”. Психотерапия производит индивидов “свободных в выборе”, но при этом способных принимать модели выбора, заданные экспертами, агентами влияния³². У психотерапии есть положительные стороны, поскольку она позволяет “научиться” самоутверждению, самоконтролю и качествам, обеспечивающим успех в жизни. С помощью приемов и методов психологии можно научиться отдыхать, расслабляться, овладеть искусством личных отношений. Но при

³⁰ Rose N. Op. cit. P. 217.

³¹ Ibid. P. 218.

³² Ibid. P. 231.

этом возникают постоянные сомнения, неуверенность, даже удовольствие становится формой работы “под знаком профессиональной экспертизы и под эгидой научно кодифицированного знания”. Жизнь становится искусством подражания заданным агентами влияния образцам и образам жизни. Эти образы задают индивиду шаблоны принятия решений. В соответствии с этим миром идеальных образов и ценностей идентичность должна быть изменена, перестроена с целью добиться успеха сообразно заданным моделям. Распространение психотерапевтических методов, по мнению Н. Роуза, не является государственным надзором, регулированием индивидов как социальных субъектов³³. Главной особенностью агентов, институтов и методов влияния является их отрыв от центральной власти и регулирование на уровне социальных институтов и внутреннего мира отдельных индивидов. Использование техник манипуляции имеет значение не как расширение сферы влияния, а как превращение их в реальные практики, которые, способствуя праву индивида быть свободным, оказывают значимое влияние на его идентичность³⁴.

Изолированный приватизм

В социологии приватизм интерпретируется как внимание только к личным интересам, исключая широкие социальные проблемы и отношения. С точки зрения концепций идентичности приватизм — это новый преобладающий модус жизни. Д. Рисмен³⁵ выдвинул тезис об “одинокой толпе” как обществе ложной интеграции, ложной персонализации и вынужденной изоляции. Развивая эту идею, К. Лэш³⁶ рассматривает идентичность с точки зрения концепции “минимального Я” как стратегии выживания, попытки человека выжить посреди страхов и опасностей современного мира. Р. Белла³⁷, исследуя взаимоотношение индивидуализма и ценностей либеральной демократии, не делает различия между личной и публичной жизнью человека и много внимания уделяет месту религии в современном мире. Изолированный приватизм и его возможные политические последствия для общества рассматриваются Р. Путнэмом³⁸ через сферу досуга. Он приводит в пример боулинг: чем больше людей станет им заниматься, тем большее их число будет “играть”

³³ Ibid. P. 242–243.

³⁴ Ibid. P. 261–262.

³⁵ Riesman D. The lonely crowd. Yale, 2001.

³⁶ Lasch C. The minimal self: psychic survival in troubled times. N.Y., 1985.

³⁷ Bellah R. Habits of the heart: individualism and commitment in American life. Los Angeles, 1996.

³⁸ Putnam R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. N.Y., 2001.

в одиночестве, т.е. все меньше людей участвуют в социальном общении. А. Хохшильд³⁹ связывает приватизм с коммерциализацией жизни, когда дом становится работой, а работа домом; с господством рыночных отношений, особенностью которых сегодня является то, что любое действие, покупка подчинены принципу рациональности. Он описывает способы того, как индивидуальное “Я” человека сдерживает напор внешних сил, действующих в обществе, и как индивиды отдаляются не только от других, но и от самих себя.

Следует остановиться на концепции Р. Сеннета⁴⁰, представляющей собой критический анализ форм современного капитализма и его влияния на общество. Быстро развивающийся гибкий глобальный капитализм лишает человека четких ориентиров в жизни и ведет к “коррозии характера”, при которой подлинные чувства, связи и симпатии становятся все более ущербными и скудными⁴¹. Р. Сеннет подчеркивает социальную природу характера человека, который он определяет как этическую ценность. Эту этическую ценность индивиды в долгосрочной перспективе и на устойчивых началах придают своим собственным желаниям и отношениям с другими. Человек может и должен эмоционально опереживать другим. Коррозия характера означает, что одновременно утрачены устойчивые качества и социальное участие. В число причин, вследствие которых это происходит, включены следующие моменты: новые формы занятости и труда в форме непостоянной занятости, подрядных работ угрожают характеру человека; больше нет согласованности и преемственности в опыте работы, сообщества постепенно исчезают из общества; возрастает отчуждение от собственных потребностей и идеалов.

Р. Сеннет⁴² ставит ряд важных вопросов: каким образом мы решаем, что является непреходящей ценностью в обществе, ориентированном только на ближайший момент? Возможно ли иметь ориентиры и обязательства, которые постоянно разбиваются на части или неустанно переизобретаются? Р. Сеннет изучал последствия частых переездов, смены работы и установил, что сегодня средний американец может сменить работу до 11 раз и три раза поменять профессию, т.е. у него очень мало оснований для стабильной жизни. Неустойчивость социальных институтов означает, что люди сегодня не в состоянии проявить привязанности, необходимые для межличностных отношений и гражданского участия,

³⁹ Hochschild A. The commercialization of intimate life. Los Angeles, 2003.

⁴⁰ Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск, 2004; Sennett R. The fall of public man. N.Y., 1992; *Idem*. The craftsman. Yale, 2008.

⁴¹ Сеннет Р. Указ. соч.

⁴² Там же.

потому что их эмоциональные глубины и аффективное пространство межличностного общения пусты. Упадок публичной жизни происходит вследствие патологического нарциссизма и расстройств характера. Сокращение публичного пространства происходит не просто из-за влияния рынков или бюрократизации, но вследствие существования приоритета желаний самореализации, чувственного удовлетворения и эгоцентризма над социальными связями, контактами.

Р. Сеннет считает свой метод критической социологии “культурным материализмом”, попыткой найти практические способы вовлечь людей в коллективные практики, развить у них самоуважение и взаимное уважение. Он подчеркивает важность решения этических вопросов и полагает, что ценности Просвещения достижимы лишь на основе практической деятельности. Человеческое достоинство гораздо важнее, чем “суперблаго” как нравственный идеал неолиберальной морали. Идея свободы обычно проявляется в стремлении к личной независимости, что подрывает социальную сплоченность общества. Поэтому Р. Сеннет продолжает разработку концепции в направлении поиска практических способов сплочения людей⁴³. Так, по инициативе голландского философа Х. Остерлинга в Роттердаме разработан и осуществлен образовательный проект для молодых людей, реализация которого подразумевала совместное ведение быта, практику боевых искусств, изучение философии, дискуссии с целью развития чувств солидарности и ответственности.

Исследователи указывают на негативное, дезориентирующее влияние современности на идентичность, в частности на то, что мир непостоянной занятости, временных, подрядных работ реорганизует внутреннюю жизнь человека. Главная причина этого — глубокое изменение в протяженности работы во времени и в смысле труда, когда на смену ясной и фиксированной долгосрочной определенности пришли скоротечность и легкость перемен.

Информационно-коммуникационные технологии и идентичность

Термин “век информации” возник как результат современного социологического воображения с целью показать влияние глобальной коммуникации и потоков информации. Эра глобальных коммуникаций и технологий открыла новые возможности, которые неминуемо влияют на современные идентичности и проникают в суть человеческого опыта.

⁴³ *Sennett R. The craftsman. P. 7–11.*

Ж. Бодрийяр⁴⁴ детально разработал теоретические положения о том, как потоки коммуникации, информации, изображений, идей и идеологий пронизывают повседневную жизнь. Центральное место в его анализе информационного общества занимает переход от модернистского понимания реальности к постмодернистской концепции искусственной, виртуальной реальности, которую Ж. Бодрийяр называет гиперреальностью. Он утверждает, что ее время, “век”, начинается с разрушения всех старых основ бытия. Сегодня наш мир насыщен образами СМИ, симуляцией, имитацией реальности. Моделирование пространства, которое должно представлять современный мир, “взрывает” этот самый мир. Жизнь круглые сутки в пространстве, в среде потоков массовой информации давит на человека, потому что люди сопереживают увиденному, испытывают стрессы, ужасы борьбы, насилия, которые воспринимают за признаки реального и пытаются преодолеть связанную с ними напряженность в действительности.

Вопросы идентичности во взаимосвязи с широким распространением новых информационно-коммуникационных технологий анализирует Д. Мейровиц⁴⁵. По его мнению, они меняют контекст идентичности, ослабляя связи между физическим и социальным местом, локализуя “Я” индивида в новых гибридных пространствах действий. Информационно-коммуникационные технологии представляют собой смесь публичного и личного, привлекают, манят новыми вариантами представления и идентификации себя, в том числе формируя коллективные конфигурации. Эти технологии изменили границы коллективов: различия в возрасте, физических возможностях, профессиональной принадлежности и т.д. теперь не столь жесткие как отличие компьютерно-грамотных от компьютерно-безграмотных.

Д. Олзайде⁴⁶ указывает на новые коммуникационные форматы: режимы выбора, организацию и представление информации, которые создают условия для идентификации “Я”, предоставляют новые возможности и модели выбора. Эти новые форматы определяют социальную активность, могут изменить, ликвидировать существующую практику или способствовать появлению новой. Клавиатуры телефонов, компьютеров, банкоматов, терминалов открыли путь к принципиально новому взаимодействию, являя тип обратной социализации, сокращая дистанцию между детьми и взрослыми,

⁴⁴ См.: Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.

⁴⁵ Meyrowitz J. No sense of space: the impact of electronic media on social behavior. Oxford, 1985.

⁴⁶ Altheide D. An ecology of communication: cultural formats of control. Hawthorne; N.Y., 2005; *Idem*. The control narrative of the Internet // Symb. Interact. 2004. Vol. 27. N 2.

работой и игрой. Новые коммуникации направляют форму и содержание социального взаимодействия индивидов. Д. Олзайде исследует взаимоотношение структур власти и общественного контроля, а также то, как современные технологии дают тем или иным лицам власть определять социальное положение других, намечает способы “блокировки” социального пространства и создания сценариев нового действия. Есть мнение⁴⁷, что медиаобъекты способны задавать, даже диктовать человеку модели построения идентичности, став сегодня своего рода “живыми”, что отношения человека—машины “зеркалят” человеческие отношения.

В мире, в котором нет устойчивости, присутствуют лишь мимолетные знаки реального, а информационно-коммуникационные технологии наполняют его потоками разнообразной и разнородной информации, ничто не сохраняет стабильность долго, идентичности фрагментированы, а окружающая действительность оказывается одним из мерцаний смоделированных событий, одноразовых изделий, заданных фантазий.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Интенсивно глобализующийся мир новых технологий, открытый мир моделей и образов с пространством, “независимым” от места или региона, означает ли он непрерывное конструирование и борьбу за идентичность, их многообразие или, наоборот, приведет к исчезновению феномена идентичности в современном понимании? Современные концепты характеризуют идентичность как многофакторное явление и противоречивый опыт, отражающий социальные преобразования в обществе. Процесс конструирования своего “Я” теперь не основывается на традиции и все больше подвержен внешнему воздействию, различным формам зависимости, а одна из причин этого — открывшаяся свобода исследования идентичности и экспериментирования с ней. Мнения многих исследователей и общественных деятелей о социальных и политических опасностях переопределения форм идентичности основываются на росте индивидуализма в современной культуре. Проблемы конструирования идентичности, сплоченности социальных групп на глобальном уровне связаны с широкомасштабными преобразованиями, которые обусловлены транснациональным капитализмом, модернизацией и глобализацией. Исследования в области теорий индивидуализма отмечают такие ключевые процессы социальных изменений, как наличие определенного давления, целенаправленной политики идентичности и индивидуализации, обособление личной культуры. Слом традиционных аскриптивных идентичностей привел к активному подъему множества фрагментированных

⁴⁷ Reeves B., Nass C. The media equation. Cambridge, 1996.

практик, которые в свою очередь открывают новые способы конструирования себя в личной и общественной жизни.

Исследователи изучают различные факторы, влияющие на конструирование идентичности, механизмы, с помощью которых она создается, поддерживается и изменяется. Информационно-коммуникационные технологии освободили человека от необходимости физического соприсутствия при взаимодействии, расширили спектр вариантов, моделей “обобщенных других” для построения идентичности. Озабоченность мотивами групп влияния и самоопределением человека дала новый импульс к изучению процессов идентификации. Центр внимания сместился на коллективную идентичность и результаты коллективных самоопределений с ориентацией на гендер/пол, расу/этничность и классы по причине активизации и распространения в последние десятилетия социальных и национальных движений⁴⁸, в частности на социальные и политические последствия, возникающие в результате таких коллективных самоопределений.

Сегодня в социогуманитарных науках нет однозначных подходов к проблеме идентичности. Одни исследователи опираются на методологические принципы, другие характеризуют идентичность по “сильным и слабым” сторонам, третьи изучают последствия ее изменения для общества. Разработки в области социологических теорий выявили различные глобальные институциональные силы, которые подпитывают новые тенденции понимания “Я” и конструирования идентичности в современности. Несмотря на различия предлагаемых концепций, в них прослеживается одна общая социологическая линия — индивиды все чаще вынуждены становиться “архитекторами своей жизни”, они не опираются более на традицию и постоянно переопределяют, формируют свою идентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002 (*Bauman Z. Individualizirovannoye obshchestvo*. М., 2002).

Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008 (*Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'*. SPb., 2008).

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013 (*Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya*. Tula, 2013).

Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007. (*Kondrat'yev M.Yu., Il'in V.A. Azbuka sotsial'nogo psikhologa-praktika*. М., 2007).

⁴⁸ Appiah A., Gates H. Identities. Chicago, 1995.

Полякова Н.Л. Современные социологические теории общества. М., 1996. (*Polyakova N.L. Sovremennyye sotsiologicheskiye teorii obshchestva*. М., 1996).

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995 (*Riker P. Hermenevтика. Etika. Politika*. М., 1995).

Сеннет Р. Коррозия характера. Новосибирск, 2004 (*Sennet R. Korroziya kharaktera*. Novosibirsk, 2004).

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997 (*Horkheimer M., Adorno T. Dialectica prosveshheniya*. Philosophskiy fragmenty. М.; SPb., 1997).

Философия. Энциклопедический словарь. М., 2004 (*Filosofiya. Entsiklopedicheskiy slovar'*. М., 2004).

Altheide D. An ecology of communication: cultural formats of control. Hawthorne; N.Y., 2005.

Altheide D. The control narrative of the Internet // *Symb. Interact.* 2004. Vol. 27. N 2.

Appiah A., Gates H. Identities. Chicago, 1995.

Beck U. The reinvention of politics. Cambridge, 1997.

Beck U. What is globalization? Cambridge, 2000.

Beck U. Individualization. Thousand Oaks, 2002.

Bornman E. Struggles of identity in the age of globalization: searching for anchors that hold // *Communicatio*. 2003. Vol. 29. N 1–2.

Brubaker R., Cooper A. Beyond “identity” // *Theory and Society*. 2000. N 29.

Bellah R. Habits of the heart: individualism and commitment in American life. Los Angeles, 1996.

Calhoun C. Critical social theory: culture, history, and the challenge of difference. N.Y., 1995.

Cerulo K. Identity construction // *An. Rev. of Soc.* 1997. Vol. 23. N 1.

Connell R. Gender and power: society, the person, and sexual politics. Stanford, 1987.

Elliott A. The new individualist perspective: identity. Transformations in the aftermath of the global financial crisis // *Forum*. 2010. N 11.

Elliott A., Lemert C. The new individualism. The emotional costs of globalization. L., 2006.

Erikson E. Identity and the life cycle. N.Y., 1959.

Habermas J. The structural transformation of the public sphere. Massachusetts, 1991.

Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices. L., 1997.

Hall S. Who needs “identity”? From identity: a reader / Ed. by P. du Gay, J. Evance, P. Redman. L., 2000.

Hochschild A. The commercialization of intimate life. Los Angeles, 2003.

Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Stanford, 1991.

Gilman S. Difference and pathology: stereotypes of sexuality, race, and madness. Ithaca; N.Y., 1985.

Kehily M. What is identity? A sociological perspective. ESRC Seminar. L., 2009.

- Lasch C.* The minimal self: psychic survival in troubled times. N.Y., 1985.
- Luckmann T.* Personal identity as a sociological category. Zagreb, 2006.
- Meyrowitz J.* No sense of space: the impact of electronic media on social behavior. Oxford, 1985.
- Putnam R.* Bowling alone: the collapse and revival of American community. N.Y., 2001.
- Reeves B., Nass C.* The media equation. Cambridge, 1996.
- Riesman D.* The lonely crowd. Yale, 2001.
- Rose N.* Governing the soul. L., 1999.
- Rose N., Miller N.* Governing the present: administering economic, social and personal life. L., 2008.
- Sennett R.* The fall of public man. N.Y., 1992.
- Sennett R.* The craftsman. Yale, 2008.
- Stryker S.* Symbolic interactionism. Menlo Park, 1980.
- Stryker S., Burke P.J.* The past, present, and future of an identity theory // Social Psychology Quarterly. Special Millenium Issue. 2000. Vol. 63. N 4.